

МЕМУАРЫ

Михаила
Клеофаса
ОГИНЬСКОГО

ТОМ II

Михал Огинский

**Мемуары Михала
Клеофаса Огинского. Том 2**

«Четыре четверти»

Огинский М. К.

Мемуары Михала Клеофаса Огинского. Том 2 /
М. К. Огинский — «Четыре четверти»,

ISBN 978-985-7103-99-7

Впервые читатель получил возможность ознакомиться на русском языке с мемуарами Михала Клеофаса Огинского, опубликованными в Париже в 1826–1827 годах. Издание уникально тем, что оно вписывает новые страницы в историю белорусского, польского, литовского народов. Воспоминания выдающегося политика, дипломата и музыканта М. К. Огинского приоткрывают завесу времени и вносят новые штрихи в картину драматических событий истории Речи Посполитой конца XVIII века и ситуации на белорусских, польских, литовских землях в начале XIX века. Глазами очевидца представлена также бурная жизнь Европы того времени, в частности восстание Тадеуша Костюшко, наполеоновские войны, показаны фигуры известных личностей — короля Станислава Августа Понятовского, князя Потемкина, императора Александра I, полководца Наполеона Бонапарта и многих других. Со страниц мемуаров предстает яркий образ и самого Михала Клеофаса Огинского. Второй том нашего издания включает переводы текста третьего и четвертого томов французского оригинала.

ISBN 978-985-7103-99-7

© Огинский М. К.
© Четыре четверти

Содержание

Предисловие	8
книга девятая	12
Глава I	13
Глава II	19
Глава III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мемуары Михала Клеофаса Огинского

О Польше и поляках

С 1788 года до конца 1815 года

Перевод с французского

В двух томах

том II

(1765–1833)

Перевод осуществлен по:

MÉMOIRES DE MICHEL OGINSKI, Sur la Pologne et les Polonais. Depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Tome troisième. PARIS, BARBEZAT ET DELARUE, ÉDITEURS, Rue des Grands-Augustins, № 18. GENÈVE, MÊME MAISON, RUE DU RHÔNE, № 177. 1827.

MÉMOIRES DE MICHEL OGINSKI, Sur la Pologne et les Polonais. Depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Tome quatrième. NOUVELLE EDITION. PARIS, TENRÉ, LIBRAIRE, Rue du PAON № 1. 1833

© Базаров В. И., Казыро Л. А., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

Предисловие

Читатели уже знакомы с первыми двумя томами моих мемуаров. Приняли их не только снисходительно, но и вполне доброжелательно, на что я и не смел надеяться.

Все рецензии в газетах были благосклонны как к сочинению, так и самому автору, а редакторы, стараясь привлечь внимание читателя к первым томам, не поскупились на лестные отзывы и подчеркивали правдивость, беспристрастность и сдержанность изложения. То была похвала, которую я ждал и, как мне казалось, заслуживал, поскольку в своей работе никогда не изменял этим принципам.

Те немногие газетчики, что упрекнули меня за энтузиазм по отношению к императору Александру, еще не были знакомы с полным текстом моих воспоминаний. Их продолжение вышло с задержкой по причине моей тяжелой и долгой болезни, помешавшей своевременно завершить работу. Нисколько не сомневаюсь, что после прочтения всех томов, меня поймут верно.

Во второй части мемуаров найдутся объяснения причин моей привязанности к Александру и того доверия, которое вызывало его отношение ко мне. Надеюсь, у них не останется никаких сомнений в чистоте моих намерений, твердости убеждений и последовательности поступков. Эти люди увидят, что даже Костюшко – честный и мужественный человек незапятнанной репутации, яркий сторонник и защитник свобод, образец настоящего поляка на протяжении всей своей жизни, отданной служению родине, тоже испытывал к Александру восхищение, глубокое доверие и преданность. И даже находясь на расстоянии около полутора тысяч километров друг от друга, мы высказывали с ним одинаковые суждения об этом монархе.

И еще они узнают, что, уже не надеясь увидеть свою страну свободной и независимой, Костюшко хотел, чтобы польская корона досталась именно Александру, с чьим правлением он связывал объединение поляков.

Письма Костюшко позволят понять, как доверял он доброте, щедрости и *великодушию* императора, называя его *великим монархом, выдающимся военачальником* и, самое главное, – *защитником* человечества.

Если сохранить *status quo* относительно всех планов по Польше и понадеяться, что по воле Божественного провидения эта страна в один прекрасный день сумеет восстать из пепла, то вряд ли кто-то оспорит, что единственную благоприятную возможность для этого поляки имели после кампании 1812 года: чтобы возродиться как нация, вернуть свою государственность и утраченные территории, в полной мере воспользоваться благами мудрой конституции и иметь на престоле такого монарха как Александр. Это мы обсудим в следующей части наших заметок.

Три последовательных раздела Польши вычеркнули эту многострадальную страну из числа ведущих европейских держав. Она была стерта со всех карт, а имя поляка продолжало жить лишь в горстке храбрецов, что сражалась в дальних странах в надежде вернуть утраченную родину.

Раздел Польши и вправду вызвал негодование во всем мире. Благородные люди были возмущены жертвой, принесенной на глазах всей Европы. Сопrotивляясь в одиночку, этот мужественный, но разделенный народ был слишком слаб, чтобы отстоять права и целостность своей страны.

Стоявшие в стороне от дележа правительства европейских стран тоже осудили участников передела, однако по другим причинам: то была зависть к расширению границ, страх перед растущей мощью победивших государств, беспокойство из-за нарушения сложившегося политического равновесия...

И вместе с тем, нашлась ли тогда хоть одна страна, которая приняла бы действенные меры, чтобы предотвратить разрушение Польши?.. Не проще ли и мудрее было поддержать мужественный народ, отважно боровшийся за свое существование, чем строить планы о восстановлении свободы и независимости уже несуществующей страны.

Генерал Бонапарт во время первой итальянской кампании 1796 года давал советы полякам, ободрял их, побуждал к самостоятельным действиям, обещал прийти с армией, чтобы освободить их. Но что в 1812 году ответил Бонапарт, ставший императором, депутатам из Варшавы, когда в его распоряжении находилась громадная армия?

«Если бы мое правление пришлось на годы первого, второго или третьего раздела Польши, я поставил бы под ружье весь свой народ, дабы защитить вас. Однако в моем положении я должен решать множество проблем и выполнять взятые на себя обязательства... я обещал императору Австрии сохранить в целостности его владения и не могу допустить ни происков, ни действий, нарушающих «мирное владение тем, что у него осталось от польских провинций».

Если учесть, что после всех тщетных усилий польским беженцам приходилось лишь надеяться на поход Наполеона в Россию, если принять во внимание, что Наполеон, даже в случае успеха, вероятнее всего, не стал бы возрождать Польшу и уж наверняка не позволил бы ей стать большим, сильным и независимым государством, и, наконец, если предположить, как это и случилось, что Наполеон потерпит неудачу в походе на Россию и Польше не удастся избавиться от порабощителей, мы все же должны согласиться с тем, что в том положении их единственным здравым желанием было, чтобы двенадцать миллионов поляков вновь обрели свою государственность под скипетром доброго, честного и всеми любимого государя.

Уверенности, что это желание исполнится, не было, однако мы не отчаивались и ждали.

Поляки прошли школу несчастья и испытали на себе многолетние тяготы. Лишенные всякой надежды на возвращение свободы и независимости, храня в памяти самые печальные воспоминания о внутренней анархии и раздорах, жертвами которых пала вся страна, поляки нашли бы удовлетворение в воссоединении своей страны при Александре, восстановлении государственности и обретении конституции, адаптированной к их нравам и обычаям. Они хотели видеть правосудие в руках благородных людей, а на государственной службе – поляков. Какие чувства благодарности они должны были бы питать к воссоздателю их отечества, предоставившего им все эти блага! Какие подобающие отношения должны были бы связать их с русским народом, с которым им пришлось бы жить вместе, учитывая не только общие интересы, но и необходимость перемены отношений от разделявшей их ранее ненависти к братским чувствам!

Было бы нелепо полагать, как мы это уже делали, что император Александр, отказываясь от завоеваний своих предшественников, захочет оторвать от Российской империи подвластные ему польские провинции и превратить Польшу в свободное и независимое государство. Думается, что у всех тех, кто выдвинул эту идею, гораздо больше вероломства и злобы, чем глупости.

Мог ли этот монарх, главной заботой которого было общее благополучие подданных, обязанный силой, мощью и славой престола своему сорокамиллионному народу, восстановить Польшу в ущерб России? Если он и желал добавить блеска своему славному царствованию, укрепить власть империи путем создания непреодолимого барьера на пути разных коалиций, его политические взоры простирались гораздо далее. Возвращая полякам их страну и законы, он хотел принести им успокоение после стольких несчастий, еще больше приблизить их к себе и при этом так связать два славянских народа, чтобы забылись старые обиды, а в их безупречном союзе потребность взаимной поддержки превратилась бы в обязанность.

И что мешало полякам поддержать добрые намерения царя, пойти на искреннее объединение с прекратившими вражду россиянами и разделить с ними общую участь?

Польшей не всегда правили короли польских кровей. Разве не занимали польский престол король Венгрии, французский принц крови, принц Трансильвании, король Швеции и курфюрсты Саксонии? И разве были в те разные времена разногласия между народами, подвластными общему королю?

То, что император Александр имел замысел восстановления Польши на принципах, которые я изложил выше, сказать правду, и не такая уж тайна. Но мы еще вернемся к этому вопросу. К тому же, это могут подтвердить пользовавшиеся его доверием приближенные. Наконец, сомнения исчезают, когда читаешь письмо императора от 3 мая 1814 года, адресованное Костюшко. Но к чему искать другие свидетельства в пользу этого утверждения? Достаточно заглянуть в ставшие достоянием гласности приложения к Заключительному акту Венского конгресса, чтобы убедиться в тех препятствиях, которые чинились планам императора по отношению к польской нации и упрямстве, с которым представители почти всех иностранных дворов противились восстановлению Польши под скипетром Александра.

Примечательно, что во всех демаршах по срыву его замысла одна лишь боязнь чрезмерного усиления России вызвала почти всеобщее сопротивление. Но входило ли в намерение какого-нибудь двора принять участие в судьбе поляков и, если можно так выразиться, положить конец той беспечности, которую они до этого проявляли по отношению к ним?.. Или они снова предпочли бы разделить Польшу на части, чтобы предоставить отдельным державам компенсацию за понесенный ущерб, вместо того, чтобы согласиться на воссоединение польского народа под началом главы государства, которого поляки любили и желали видеть своим королем, а тот – стремился сделать их счастливыми? Возможно, такой раздел и соответствовал интересам некоторых европейских стран, но только не Польши⁸³.

Пути Господни неисповедимы, и посему даже самые могущественные люди не могут похвалиться способностью противостоять давлению обстоятельств. Самый яркий тому пример – падение Наполеона, любимца фортуны, непобедимого завоевателя, который потряс всю Европу и диктовал законы почти всем правителям на континенте!.. Как только книга судеб, приоткрывшись, указала удивленной вселенной предписанный конец стольким годам славы и успеха, хватило лишь нескольких месяцев краха, чтобы заставить его отказаться от всех планов, вывести из-под его управления огромные людские массы, низложить его с престола и развалить его громадную державу.

⁸³ Среди документов Венских переговоров можно найти следующую статью за № XLIV: Полуофициальная статья, опубликованная лондонскими газетами 12 ноября 1814 года. Похоже, что проект по присоединению Польши к России, как обособленного королевства под управлением вице-короля, был согласован между Россией и Пруссией во время Парижских переговоров. Проект встретил сильное сопротивление, главным образом, со стороны французской дипломатии. Напрасно Россия и Пруссия ссылались на секретную статью Парижского договора, обязывающую Францию признать раздел, который союзники собирались произвести с завоеванными или уступленными землями. Талейран утверждал, что Франция готова признать лишь решения конгресса, принятые в большинстве, и что под словом «союзники» следует понимать всех без исключения союзников, а не какие-то отдельные государства. Такой подход поддержали Австрия, Испания, Англия, и в результате вопрос о Польше пришлось перенести на новое всеобщее обсуждение. Нежелательные последствия от объединения польского королевства под управлением российского вице-короля, в конце концов, прочувствовали все, даже король Пруссии – личный друг Александра. Он не поверил, что приобретение Саксонии и земель между Маасом и Мозелем сможет уравновесить собой опасность, которой подвергнется его монархия после присоединения Польши к России. Талейран стремился убедить представителей других стран в том, какие отрицательные последствия могут возникнуть в результате чрезмерного расширения территории России, и, вероятно, предложил передать Варшавское герцогство или, по меньшей мере, часть его земель до Вислы, королю Пруссии. Другим государствам решение показалось разумным, хотя бы на случай, к сожалению, вполне вероятный, когда из опасения нарушить равновесие сил в Европе, не удастся восстановить Польшу. Если император Александр откажется уступить в этом вопросе общим настояниям других государств, то есть опасения, что конгресс затянется до тех пор, пока не будет достигнут окончательный результат. Но отказав пожеланиям остальных государств, российский император сможет рассчитывать не только на собственную армию, но и на всю Польшу, которая предпочтет стать русской, нежели остаться разделенной. Судьба Саксонии и многих других территорий Германии в полной мере зависит от решения по Польше, поскольку существует намерение довести численность подданных прусского королевства до двенадцати миллионов человек. Если их не набрать в Польше, то придется искать в Германии.

Если император Александр не сделал того, что хотел и обещал, то это не значит, что поляки вовсе не были благодарны ему за все благодеяния. В одном из своих писем Костюшко писал: «Я сохраню до самой смерти чувство справедливой благодарности к государю за то, что он воскресил имя Польши, невзирая на все ограничительные препятствия».

Если стечением обстоятельств или политических комбинаций, которые смертным не дано предвидеть и предугадать, Польше когда-нибудь предназначено возродиться в своем прежнем виде, все равно поляки не смогут забыть Александра. Они всегда будут благословлять имя того, кто восстановил на карте название их страны, вычеркнутой двадцать лет назад из числа европейских держав, кто дал возможность вернуться в свои дома тысячам скитающихся по всему свету эмигрантов, кто собрал воедино остатки их храброго войска, которое все это время кормили напрасными надеждами, и работников для государственной службы, кто, наконец, позволил всем полякам вернуться на родину и вновь оказаться в кругу семьи, друзей и соотечественников.

Чтобы почувствовать и оценить все эти благодеяния, надо быть поляком или, по крайней мере, жить в уничтоженной и разорванной на куски стране с разбежавшимся по разным углам населением и с полностью прерванными связями и затем, с чьей-то благодетельной помощью, вновь обрести родину, государственность, убежище после стольких мытарств и защиту со стороны закона при конституционном правлении.

Завершить этот раздел книги мне хотелось бы дорогими моему сердцу похожими высказываниями Костюшко из его письма императору Александру⁸⁴. «Лишь одно беспокоит мою душу и омрачает радость. Ваше Величество, я родился литвином. Жить мне осталось всего несколько лет. Тем не менее завеса покрывает будущее моей родной земли и других провинций моего отечества... Единственное, чего я хочу, так это уйти в могилу с утешительной уверенностью, что все польские подданные возблагодарят Бога за все милости, оказанные нам Вашим Величеством».

Мои соотечественники найдут в этих мемуарах достойное и уважительное отношение к себе – самое малое, что я могу предложить им. Я описал знаменательные польские события последних лет, которые могут служить большим и полезным уроком, напомнил о ценных исторических материалах. Я скрупулезно собрал имена всех истинных поляков, независимо от их политических взглядов, которые своим талантом, мужеством и самоотверженностью, беззаветной преданностью родине снискали заслуженное уважение соотечественников.

⁸⁴ См. Приложения к главе IV Книги XII, с. 363–364.

книга девятая

Глава I

Я выехал из Парижа 22 января 1811 года и отправился в Санкт-Петербург, куда весной должна была приехать моя семья. Уже за несколько недель до отъезда ходило много разговоров о подготовке к войне. Мои соотечественники уверяли меня, что Наполеон выжидает лишь благоприятного момента, чтобы объявить войну России и затем восстановить Польшу. Из большого числа русских, что находились в то время в Париже, некоторые разделяли это мнение, однако до самого дня отъезда ничто в поведении Наполеона не выдавало его тайных замыслов. Ни он, ни его двор не изменили своего отношения к послу России, а ко всем российским подданным проявлялась любезность и повышенное внимание.

Ничто, на мой взгляд, не предвещало скорого разрыва отношений между двумя величайшими державами Европы. Я боялся назревающей кровопролитной войны, понимая, что широким польским равнинам суждено было стать театром военных действий. Я видел, что мои сограждане, ставшие жертвой слепого доверия к Наполеону, сомневались в способности России противостоять ему. У меня же было достаточно оснований полагать, что поляков обманут в их ожиданиях и принесут в жертву, а их благородные и бескорыстные усилия на благо отчизны не принесут никаких плодов... Но мог ли я винить их за надежду, когда сам искренне разделял общее желание увидеть возрожденную Польшу.

Оставив позади Париж, я быстро проехал Мец, Майнц, Эрфурт и Дрезден. Это путешествие запомнится мне обилием разбойников на больших дорогах Германии и несчастным случаем, потрясшим Айзенах, куда я прибыл спустя два дня после взрыва нескольких пороховых повозок. Были разрушены самые красивые дома, под руинами которых остались погребенными более шестидесяти человек. Кучи пепла, дымящиеся развалины жилищ, извлеченные из-под завалов тела, слезы женщин и детей, потрясение тех, кто сумел спастись, жалобные стоны над участью несчастных – такова картина, которая надолго врезалась в мою память.

Я прибыл в Дрезден 27 января и тотчас же направился к российскому посланнику Каникову, который принял меня весьма дружелюбно и пригласил на ужин с участием представителей дипломатического корпуса. В свою очередь французский посланник Бургуэн пригласил меня отужинать с ним в семейном кругу на следующий день и, судя по настойчивости, с которой было сделано приглашение, боялся получить отказ, поскольку хотел обсудить со мной разные вопросы. Он вспомнил о нашем знакомстве по Парижу в 1797 году, когда я находился там в эмиграции. Он, казалось, был удивлен моим возвращением в Россию и назначением в сенат Петербурга. После ужина, когда мы остались одни, он пытался убедить меня, насколько ложными были распространявшиеся в Германии слухи о скором разрыве между Францией и Россией. О поляках он отзывался с воодушевлением, вспоминал об их заслугах перед Наполеоном и отметил заинтересованность его государя в будущем моей страны. При этом посланник прямо заявил, что возрождение Польши не за горами, поскольку Наполеон хотел бы вернуть ей всю политическую значимость.

Присутствовавшая на ужине французского посланника г-жа Б. пригласила меня к себе на вечерний чай. Войдя в ее салон, я увидел там несколько знакомых лиц, которых давно потерял из виду, и те на правах старых приятелей принялись по очереди задавать мне вопросы о Париже, Наполеоне, слухах о войне и особенно о поляках, с которыми я встречался во Франции. На следующий день те же люди окружили меня на балу у графа Сенффа, куда меня пригласил Каников. Было очевидно, что Париж дал указание установить за мной слежку, вызвать меня на разговор, чтобы выудить нужную информацию. Я еще больше уверился в этом, когда по несколько раз в день встречал в своей гостинице типов, слывших в Дрездене за шпионов. Несмотря на всю свою осторожность и старание поменьше вступать в разговоры и не говорить ничего такого, что могло бы испортить настроение Наполеону, я позже узнал, что ему доло-

жили о некоторых приписанных мне высказываниях, из-за которых министр иностранных дел направил ноту протеста российскому послу князю Куракину.

Это обвинение было беспочвенным, поскольку я не мог быть настолько неосмотрительным, чтобы публично выражать свое мнение. Единственное, что могло не понравиться Наполеону и его приверженцам, так это то, с каким воодушевлением и привязанностью я отзывался об императоре Александре.

В Дрездене я узнал, что там уже какое-то время находится страдающий от подагры Коллонтай и, несмотря на болезнь, не прекращает работу над своими сочинениями. Когда ему доложили, что я нахожусь в Дрездене проездом в Петербург, он выразил желание увидеть меня, добавив при этом: «Я глубоко сожалею, что Огинский, у которого столько способностей, благородных стремлений и патриотического рвения, оставил мысль о восстановлении Польши при содействии Франции. Если я увижу его, то постараюсь убедить, что не стоит полагаться на Россию, и что Наполеон всегда будет делать то, что пожелает. Война неизбежна. Россия будет уничтожена, Польша восстановлена, а вся Европа – подчинена Наполеону.

Думаю, что Огинский привязался к Александру, потому что это добрый и справедливый государь, однако он наверняка падет жертвой своей привязанности и т. д.»⁸⁵

В то время как мне передавали слова Коллонтая, я вспомнил, что при отъезде из Парижа, когда уже сажился в карету, Феликс Потоцкий, сын бывшего польского посла в Константинополе, передал мне пакет для французского посланника Бургуэна. У меня не было времени заняться пакетом, и когда я вынул его из портфеля, то обнаружил адресованную мне записку следующего содержания:

«Мой дорогой граф, когда Вы будете проездом в Дрездене, прошу вас передать этот пакет барону Бургуэну. Как я заметил, Вы настроены против меня, но не удивлен тому, поскольку имею много врагов, особенно среди наших соотечественников. Меня винят в том, что я всем недоволен, но недоволен я лишь самим собой. Вы знаете меня с детства и должны понимать, что больше всего на свете я люблю свободу и родину. И только смерть заставит меня изменить своим принципам. Сейчас обстоятельства меняются... Прощайте, дорогой граф! Не знаю, встретимся ли мы вновь! Война неизбежна. Нам обещают вернуть Польшу, но чего только нам не обещали! Говорят, что поляков можно кормить одними надеждами. Когда мы нужны, нас лелеют.

С дружеским приветом.

Париж, 15 января 1811 года».

Эта записка, слова Коллонтая и разговор с Бургуэном подкрепляли не оставлявшие меня с самого Парижа мысли о неизбежности ближайшего разрыва с Россией. Я еще больше утвердился в своем мнении, когда на дороге из Дрездена в Бреслау обогнал упряжки с пушками и груженные ружьями повозки, двигавшиеся в направлении герцогства Варшавского. В Бреслау я сделал остановку на несколько часов, во время которой бывший надворный коронный маршалок Рачинский дал мне очень подробные разъяснения относительно состояния Пруссии, ее тяжелого положения и возможностей быстро сформировать в случае необходимости значительную армию.

Я проехал герцогство Варшавское, минуя саму Варшаву. Край представлял собой картину нищеты и убогости. В Остроленке я встретился с генералами Рожнецким и Тржевецким, а также с некоторыми офицерами, которых знал на протяжении многих лет. Военные были в приподнятом настроении и жаждали войны, чего нельзя было сказать о гражданских служащих

⁸⁵ Коллонтай передал мне тогда через доктора Луста свою недавно опубликованную польскую брошюру под названием «Заметки о части Польши, называемой после Тильзитского договора герцогством Варшавским».

и сельских жителях, с которыми мне довелось повстречаться в разных уголках герцогства, и которые, страдая от тяжести налогов и притеснений, тосковали по миру.

В начале февраля я, наконец, прибыл в Вильну. Моей первой мыслью было записать свои наблюдения о текущей обстановке в Европе и соотнести их с возможностью использования сложившихся обстоятельств на пользу своей родине и соотечественникам. Во время путешествия из Парижа у меня было достаточно времени, чтобы не торопясь отдать своим размышлениям.

Поскольку еще раньше я довольно подробно изложил свои идеи по этому вопросу в двух записках на имя императора Александра, а также в нескольких письмах, которые я взял на себя смелость направить ему, и к которым мы еще вернемся на страницах этой книги, я ограничусь лишь кратким изложением сути идей, послуживших мне руководством для линии поведения, которой я намеревался придерживаться.

1. Я был твердо убежден, что целью Наполеона являлось основание всемирной монархии, и он ждал лишь благоприятного случая, чтобы порвать с Россией.

2. Я нисколько не сомневался, что поляков он будет использовать как мощную пружину и пугало против России, несмотря на то, что восстановлению Польши он придавал большое значение.

3. Я был уверен, что если он даже и восстановит Польшу, то не сделает ее *свободной, мощной и независимой*, поскольку это идет вразрез с его принципами и системой, которой он следовал в течение жизни.

4. Я не исключал, что если Наполеон отберет у России бывшие польские провинции, то посадит на польский престол короля по своему выбору и под своим непосредственным приглядом, но я также при этом полагал, что поляки, вместо того чтобы вновь обрести свои законы, вольности и конституционное правительство, получают воинскую повинность, контрибуции, французский гражданский кодекс, полное разложение национального характера и бесконечные войны с Россией.

5. Я не мог себе представить, что в ту пору Польша самостоятельно могла бы встать на ноги и создать сильное и независимое государство. Само ее географическое положение не позволяло надеяться на это после всех произошедших в Европе перемен, однако в ее появлении на политической арене под протекторатом Франции или России я видел меньше неудобств и отдавал предпочтение ее восстановлению под покровительством императора Александра.

Не ссылаясь на другие причины, убеждавшие меня в этом, я ограничусь лишь замечанием, что Польша, восстановленная Францией еще до полного уничтожения Российской империи (что относится к разряду невозможных явлений), непременно стала бы театром военных действий на протяжении многих поколений.

Учитывая все это, я подумал, что раз войны между Россией и Францией не миновать, и снова будет стоять вопрос о Польше, то долг каждого настоящего поляка – способствовать восстановлению своей страны или, по крайней мере, улучшению участи ее народа. Было бы непозволительно упустить такую благоприятную возможность, последнюю, быть может, и не предпринять действий, к которым взывали патриотизм и честь, и которым не противилось бы благоразумие.

Я знал, что после вступления императора Александра на престол стоял вопрос о восстановлении Польши. Этот государь, воспитанный с детских лет на принципах справедливости и чести, не мог не воспринимать раздел Польши иначе, как незаконный, несправедливый и политически недальновидный акт. Я слышал от де Лагарпа – учителя Александра, как его добрый и чувственный ученик с самого начала принимал участие в судьбе Польши, как сочувствовал он жертвам, принесенным ее многострадальным народом, как, наконец, не смея открыто выражать свои чувства, не одобрял в глубине души тех министров, чьи советы помогали уничтожить Польшу.

Пусть Александр не мог предотвратить эту катастрофу, поскольку был слишком молод, чтобы подать свой голос, пусть, став государем, он все еще не мог определиться с восстановлением Польши из-за ряда причин, о которых я узнал позже, тем не менее я не исключал, что в один прекрасный день, как только для этого наступят благоприятные условия, он осуществит свои благие намерения в отношении этой страны. В те дни я видел приближение этих обстоятельств и решил воспользоваться этим.

Решив отправиться в Петербург, чтобы открыть там свое сердце императору и откровенно изложить ему свои взгляды, я отдавал себе отчет, насколько сложна задача, которую я взвалил на себя. Я никогда не был настолько приближен к Александру, чтобы хорошо знать его характер, не представлял, на какое доверие с его стороны мог рассчитывать, и еще меньше догадывался, как он отнесется ко всему тому, что я предложу ему по Польше. Однако времени оставалось мало, поэтому необходимо было как можно скорее объясниться с ним либо промолчать и, быть может, раз и навсегда. Я был глубоко убежден, что предлагаемый мною проект, кроме всего прочего, послужит славе и чести императора, принесет благополучие империи и счастье полякам. Мой долг, таким образом, заставлял меня отказаться от соображений, которые могли бы вынудить меня отступить от своей затеи.

По правде говоря, у меня было много и других причин для беспокойства по поводу переезда в Санкт-Петербург, но поскольку я пишу эти заметки, как будущие мемуары, лишь для своих детей, которые должны знать решительно все, что я думал и чувствовал в разную пору жизни, я не могу отказать себе в том, чтобы не рассказать им об этих причинах.

Прошло шестнадцать лет с тех пор, как перестала существовать Польша, и, потеряв свою страну, я принял решение отказаться от самых блестящих карьерных возможностей. Я знал, что должность в сенате Санкт-Петербурга, которую мне предстояло занять по воле императора Александра, не будет приятной сама по себе.

После того, как на родине я прошел через многие государственные должности, работая вместе с родственниками, друзьями и земляками, чьи жизненные принципы, привычки и настроения мало чем отличались от моих, мне предстояло перенестись в другую страну, завести там новые знакомства, изучить новый язык, стать неприметным и бездеятельным для одних либо предметом недоверия и зависти – для других.

Я никогда не был придворным. Признавая в людях лишь заслуги и талант, я презирал даже в годы бедствий умение льстить фаворитам и выслуживаться перед влиятельными министрами, окружать их постоянной заботой и вниманием. Словом, я не был создан для жизни при дворе, однако место, которое я собирался занять, обязывало меня к такой жизни. Мне предстоял выбор: заслужить расположение императора и тогда стать предметом зависти окружающих и городских пересудов или стать незаметным для двора и, в этом случае, оказаться в положении полного ничтожества, с которым высокомерно обходится начальство, оскорбляют подчиненные и подвергают притеснениям при каждом удобном случае.

Муки честолюбия никогда не терзали меня, поэтому никакие награды, звания и прочие возможные милости не смогли бы компенсировать неприятности, которым я подвергал себя. Могли ли эти временные преимущества заменить мне независимость, которой я собирался пожертвовать, и счастливые дни уединения, проведенные в Залесье, или на берегах Арно и Бренты?

Размышляя таким образом и не предаваясь особым иллюзиям на предмет своего будущего положения в Санкт-Петербурге, я, чтобы заранее не потерять всякий интерес ко всему тому, что меня ожидало, тешил себя надеждой, что смогу послужить своей стране и принести пользу соотечественникам.

Однако это еще не все. Я знал, что многие из моих соотечественников неправильно поймут меня. Одни обвинят меня в амбициозности, другие сочтут, что я перешел на службу России исключительно ради выгоды. Большинство же упрекнет меня, по меньшей мере, в непо-

следовательности и не поймет, как я, будучи одним из самых заметных польских патриотов, который сражался против России в 1794 году, подвергался на протяжении многих лет опасностям в Константинополе, Италии, Германии, Франции и, находясь под покровительством французского правительства, прилагал столько усилий для восстановления Польши и освобождения страны от трех разделивших ее между собой держав, мог так неожиданно изменить своим взглядам и вместо того, чтобы сбросить ярмо России, оставаясь на стороне Наполеона, предпочел полякам власть Александра.

Я презирал подозрения в амбициозности и личных выгодах, которые не могли задеть человека, ни разу не уличенного во лжи, но я не мог оставаться безразличным к обвинениям в непоследовательности, так как в моем возрасте непозволительно быть противоречивым. И все же я подвергал себя риску в глазах родственников, друзей и земляков, чье уважение для меня было особенно дорого... Это меня удручало, однако в душе я не мог упрекнуть себя ни в чем, и совесть оправдывала и одобряла мои поступки.

Я всегда был истинным поляком и всеми своими заслугами обязан тому, что всякий раз стремился заслужить это имя. Я взялся за оружие в 1794 году и не был осужден за это, поскольку боролся за независимость и сохранение целостности своей страны. Те, кто сегодня позволяет себе порицать меня за привязанность к императору Александру и веру в него, не поверят, что как-то в его кабинете в разговоре с ним я сказал, что, если бы был уверен, что Польша сможет обрести независимость без перехода под власть Франции или России, то непременно вступил бы в ряды войска польского в герцогстве Варшавском... Они еще меньше поверят в то, что император не осудил меня ни за эту откровенность, ни за мои намерения.

Даже после революции меня не оставляла мысль о восстановлении Польши, и я полагал, что французская революция, которая потрясла устои многих европейских держав, сможет оказать помощь и поддержку польским патриотам, вернуть их страну на место, которое она прежде занимала в Европе. Увлеченность и смелость, горячий патриотизм и либеральные идеи поляков снискали им повсюду поддержку приверженцев свободы. Комитет общественного спасения, а затем Директория, хотя и обманывали, но энергично поощряли их усилия обещаниями. Швеция и Турция тоже кормили их надеждами, а когда веришь в желаемое, то кажется очевидным, что, если две державы – естественные противники России – нападут на нее и французские республиканские легионы займутся армиями Австрии и Пруссии, то поляки, ведомые своими патриотическими чувствами, при поддержке союзников смогут увидеть, как Польша возродится из пепла и освободится от иноплеменного ига.

В ту пору я как раз работал в Венеции, Константинополе и Париже и разделял идеи, надежды и иллюзии своих соотечественников, а моя переписка и воспоминания, безусловно, свидетельствуют о моей преданности Родине и чистоте намерений. Тогда я находился под протекцией французского правительства, потому что для истинного поляка, который не был русским, австрийским или прусским, не существовало никакого другого. Я мог заблуждаться в своих подходах и взглядах на политику, но я не стану отрекаться от своих поступков, потому что никогда не склонялся в пользу той или иной партии и желал лишь свободы и независимости Польши.

И она могла обрести ее в силу стечения обстоятельств и избежать ужасов французского террора, который, разрушив принципы нравственности, чести и разумной свободы, вынудил правителей Европы принимать меры против распространения революционной заразы. Возможно, и даже вероятно, что совместные интересы трех держав, поделивших между собой Польшу, заставили бы их рано или поздно восстановить эту страну в том виде, как она существовала ранее. И произошло бы это не в результате реституций, а по причине необходимости восстановить барьер, разрушение которого слишком приблизило друг к другу соседние державы, что в один прекрасный день могло стать причиной их ссоры.

Впрочем, если о *свободной* Польше можно было так или иначе мечтать до пришествия Бонапарта во Франции, то после этого злосчастного для всего человечества явления любая возможность воплощения этой мечты в реальность отпадала.

Завоеватель, как известно, все разрушает и не желает ничего восстанавливать. Это убеждение, равно как и многие другие доводы, которые я изложил в записке, представленной императору Александру 15 мая 1811 года, не поколебали моего решения высказаться более определенно. Не имея возможности увидеть Польшу такой, как я хотел ее видеть, я смел по меньшей мере надеяться на восстановление имени поляка при покровительстве императора Александра. И если мои просьбы будут удовлетворены, то это как-то компенсировало бы мои обиды радостью видеть тех соотечественников, что несправедливо осуждали мое доверие к императору, разубежденными и счастливыми.

Глава II

Я прибыл в Санкт-Петербург 9 апреля 1811 года. Утром следующего дня я отправил записку графу Толстому с просьбой назначить день, когда я мог бы быть представлен Их императорским величествам. Я получил приказ явиться на ужин к императору 13 апреля и принести с собой два пакета, которые мне передали в Париже для царствующей императрицы и императора: в одном – либретто новой оперы Паэра, в другом – две брошюры и письмо от де Лагарпа⁸⁶.

Встретили меня очень любезно, и во время ужина император вел самые разные разговоры, не напоминая о Париже, Наполеоне и путешествии, которое я проделал. После ужина он пригласил меня в свой кабинет, где мы оставались довольно долго. Еще раньше я решился быть с императором до конца откровенным при первой же встрече, говорить прямо и начистоту. Я был твердо убежден, что если разговор не понравится Александру, то буду предан забвению и наперед лишен возможности ставить перед ним вопросы, ну а если меня выслушают, то я сохраню надежду принести пользу соотечественникам, заслужить в будущем уважение императора и никогда не опровергать своими поступками суждений, выраженных мною не только откровенно, но и доверительно.

Я начал разговор, сказав, что предупрежден о том, что император недоверчив и подозрителен, однако, дескать, решился проверить это на себе, поскольку должен сообщить ему чрезвычайно важные сведения, которые он мог и не знать, поведать ему о причинах, побудивших меня излить перед ним свою душу. Я заметил, что после первых моих слов лицо императора оживилось, но он тут же принял свой обычный приветливый вид и велел мне говорить откровенно, не стесняясь его присутствия, и заверил, что выслушает меня с большим интересом.

Я очень кратко описал ему то, что видел и на что обратил внимание в Париже за те восемь месяцев, как, покинув Санкт-Петербург, расстался с императором. Я провел параллель между тем, что предпринял и осуществил Наполеон за это время с целью усиления своей власти и расширения границ Франции за счет присоединения Голландии и северной Германии, и беспечностью, которая царила по этому поводу в России, а также идущей вразрез с интересами империи политикой, от которой страна никак не желает отказаться, продолжая неразумную и разорительную войну с турками и продолжая держать на запоре российские порты для англичан.

Я прошелся по деятельности Наполеона, начиная с прихода к власти, говорил о коалициях, указал на военные просчеты завоевателя, чтобы подчеркнуть, что там было больше постоянно сопутствующего ему везения, слабости и недостатка талантов со стороны противостоявших ему сторон, нежели непогрешимости, которая вознесла его на столь высокую ступень власти. Я утверждал, что не пройдет и года, как Наполеон обрушит всю свою мощь на Россию, что он уже ведет активную подготовку к войне и возлагает при этом особые надежды на помощь поляков. Я рискнул предположить, что после того как он заключит союз с императором Австрии, вряд ли австрийский двор станет противиться его планам. Пруссия слишком слаба, чтобы предотвратить события, которые могут вызвать ее окончательное падение, а все другие государства Германии находятся в подчинении у Наполеона, и тот, имея возможность добавить к своим франко-итальянским армиям по меньшей мере столько же иностранных войск, сможет неожиданно напасть на Россию со значительными силами, в надежде уничтожить империю, которая стала единственным препятствием на его пути к установлению всемирной монархии.

⁸⁶ Когда в кабинете я передал императору письмо и книги, тот задал мне несколько вопросов о де Лагарпе. Он хотел знать, как он себя чувствует, хорошо ли ему в Париже, заходил ли он ко мне. После этого он прочувственно сказал мне ... *Я обязан ему всем!*

Император перебил меня: «Я согласен с вами во всем, что вы только что сказали мне о Наполеоне, кроме того, что он пожелает уничтожить Россию, ибо у него должно быть достаточно здравого смысла, чтобы понять всю недостижимость этого замысла... Что до остального, то я получаю из Парижа сведения о подготовке к войне без уточнения, против кого она затевается. Думаю, что Наполеону действительно не терпится начать войну с Россией, но я буду, пожалуй, единственным, кто так думает, и вы вряд ли найдете кого-либо еще в Петербурге, кто придерживается такого же мнения. Именно поэтому я прошу вас ни с кем кроме меня не откровенничать и отвечать уклончиво на вопросы о вашем пребывании в Париже».

Продолжая разговор на ту же тему, император заметил, что с некоторых пор поменял свое положительное суждение о Наполеоне и, буквально несколькими штрихами, он показал мне, что ему многое известно, и что он уже хорошо знает характер Наполеона. «Однако, – *добавил император,* – несмотря на совершенные им военные просчеты, нельзя не согласиться, что это великий полководец. Было бы неразумно настраивать его против себя и провоцировать войну, которая для России может иметь пагубные последствия, если не найти своего военачальника, способного противостоять Наполеону... и, к тому же, разве можно отрицать превосходство и военный талант французских генералов и офицеров, совершенство их артиллерии, мужество и доблесть простых солдат, привыкших побеждать вместе со своим не только искусным, но и удачливым военачальником, и т. д., и т. п.»

Утверждая, что не желает войны и не хочет прослыть агрессором, император, дал мне тем не менее понять, что он готов к любому повороту событий, и что с некоторых пор в России производится много вооружения, а склады пополняются запасами продовольствия.

Когда я перечислял поводы, которыми Наполеон может воспользоваться, чтобы порвать с Россией, то упомянул о Тильзитском договоре, на что император живо возразил: «А разве Наполеон уже не нарушил Тильзитский договор своими недавними действиями с герцогом Ольденбургским?»

Через какое-то время император, приветливо улыбаясь, промолвил:

«Но вы ничего не рассказываете мне о Польше... Уверен, однако, что именно это беспокоит вас больше всего и, не опасаясь за Россию, которая сумеет постоять за себя, вы боитесь, что ваша страна превратится в театр военных действий». «Должен признаться, что это так, Государь, – ответил я. Именно поэтому я дерзаю надеяться, что войска Вашего императорского величества выдвинутся вперед, пересекут территорию герцогства Варшавского и войдут в Пруссию. В этом случае, прусские войска, вместо того, чтобы усилить армию Наполеона, присоединились бы к русским и сражались за общее дело против французского вторжения. Также в этом случае, если Ваше императорское величество объявят себя королем Польши и пообещают жителям Варшавы присоединить к их герцогству Литву, то будут иметь в своем распоряжении население в двенадцать миллионов преданных поляков, способных на любые жертвы ради возродителя своей страны. Однако после того, как Ваше императорское величество со всей определенностью изволили дать мне знать, что не поступят своими принципами и не превратятся в агрессора, начав войну, мне остается лишь промолчать и отказаться от исполнения прекрасной мечты, в которую я верил».

«Почему мечты? – возразил император? – Разве это не может произойти позднее и без того, чтобы я объявлял войну?»

Затем он довольно подробно говорил о герцогстве Варшавском и с большим интересом отозвался о поляках в целом. Он сказал, что своими обещаниями создать польское королевство Наполеону удалось довести их до состояния восторженного возбуждения, и сейчас не лучшее время, чтобы призывать поляков к голосу разума. Что касается его самого, то он не обещает ничего такого, что не может выполнить, и что поляки в один прекрасный день поймут, как он их уважает и насколько заинтересован в их судьбе. В настоящее время, *сказал император,* я желаю лишь того, чтобы польские подданные, которые находятся под моим управлением,

были счастливы и довольны, и если у вас есть какие-либо планы, которые смогут помочь мне осуществить эти намерения, я с удовольствием займусь ими».

Я тотчас же воспользовался этой возможностью, чтобы предложить в качестве административной меры организацию восьми российских губерний из числа воеводств бывшей Польши.

Я, безусловно, знал, что эта мера не может произвести воздействие, сравнимое с манифестом о восстановлении Польши, но то было единственное, о чем я мог просить. Я смел надеяться, что, получив часть, получу и остальное после того как разразится война. Пока же мне была предоставлена возможность облегчить участь своих соотечественников, уберечь их от произвола нынешних чиновников, обеспечить отправление правосудия и дать всем проблеск надежды на политическое существование под эгидой и протекцией Александра.

Если император решится объединить восемь губерний, которые ранее входили в состав Польши под названием «Великое княжество Литовское», и согласится дать литвинам то, что я просил у него, то у меня отпали бы сомнения в том, что после неизбежной войны он восстановит и Польшу, присоединив к этим губерниям и герцогство Варшавское.

Не стану повторять все то, что я сказал ему по поводу устройства Литвы, поскольку все подробности об этом можно найти в Записке, что я направил императору в мае. Добавлю лишь, что в тот документ не вошло мое предложение поставить во главе администрации восьми литовских губерний великую княжну Екатерину.

Выслушав меня с большим интересом и доброжелательным вниманием, император сказал: «Я очень рад, что у нас схожие мнения. Вот уже полгода, как я работаю над проектом, который во многом совпадает с тем, что вы мне предлагаете... Как только он будет завершен, я передам вам его, и будьте уверены, я стану обращаться к вам каждый раз, когда надо будет обсудить вопрос из тех, что вы здесь поднимали, и без вашего ведома не будет принято ни одного решения».

Император тем не менее сделал несколько возражений и, думается, не ради того, чтобы сгладить обсуждаемый вопрос, а показать свою заинтересованность и желание рассмотреть его с разных сторон. Так, он отметил, что восемь губерний составят слишком большую территорию для одного правителя. Он полюбопытствовал, захотят ли жители Волыни, Подолии и Киевской губернии добровольно называть себя литвинами. Император поинтересовался, какую пользу может принести реорганизация для финансовой системы империи, увеличения армии, роста торговли и т. д.

Он, как мне показалось, не был против моего предложения доверить общее управление восьмью губерниями великой княжне Екатерине, поскольку еще до того, как назвать ее имя, я предложил императору назначить на это место кого-нибудь из трех его братьев, на что он заметил, что великие князья Николай и Михаил еще слишком молоды, а великого князя Константина интересует лишь военная карьера.

Перед тем, как расстаться, император приказал мне изложить письменно ту часть предложений, что я сделал в устной форме, заметив, что не имеет значения, в каком виде они будут оформлены – записки или обзора всего того, на что я обратил внимание в Париже, а также вероятных, на мой взгляд, событий. Но самое главное, он попросил меня подготовить проект необходимых усовершенствований для находящихся под управлением России польских провинций, заверив, что это никак не сможет меня скомпрометировать, ибо все данные, которые я смогу передать ему, будут храниться в его кабинете.

Я провел у императора три часа и покинул его полный надежд и благодарности. С того дня меня не мене двух раз в неделю приглашали на ужин к Его Величеству и всякий раз, поднимаясь из-за стола, император расспрашивал меня о новостях из Литвы и об оставшейся в Париже моей семье, приезда которой я ждал со дня на день. Я воспользовался одним из этих приглашений, чтобы сообщить императору о том, что предводитель дворянства Гроднен-

ской губернии князь Ксаверий Любецкий вот уже несколько месяцев находится в Петербурге с поручением от жителей губернии и безуспешно пытается донести до сведения Его Величества просьбы своих избирателей. Император выразил свое удивление и недовольство столь длительной задержкой. Он указал способ, как князю лучше передать информацию о целях своей делегации, добавив, что без промедления займется запросом и отдаст распоряжение подготовить быстрый и удовлетворительный ответ.

Примерно в ту же пору в Петербург прибыл князь Казимир Любомирский – богатый помещик с Волыни, который, предвидя разрыв между Францией и Россией, а также связанные с этим благоприятные последствия для Польши, хотел воспользоваться обстоятельствами, чтобы принести пользу своим соотечественникам. Этот образованный, остроумный и энергичный молодой человек был счастлив найти во мне разделяющего его мнения соотечественника, которому он мог довериться. Я посвятил его в свои планы, подробно рассказал о первых аудиенциях с императором и зачитал подготовленную для императора записку, от которой князь пришел в восторг.

Несколько дней спустя после своего приезда князь Любомирский был представлен ко двору. Император вручил ему ключ камергера, поинтересовался настроениями жителей Волыни, был очарован взглядами князя и оказал доверие, возложив на него тайное поручение в Лондоне, куда тот намеревался отправиться в путешествие проездом через Стокгольм.

В то время как император раскусил поведение Наполеона и не скрывал своего к нему отношения в ходе наших бесед, мне казалось, что у его окружения не возникало и мысли, что эти два государя могут внезапно рассориться. Во всех петербургских салонах не скупилась на похвалу французскому императору, вели разговоры о великолепии его двора, соблазнительной и привлекательной жизни в Париже, преимуществах мира, который пришел на смену многочисленным кровавым войнам, и, как многие предполагали, навсегда.

Казалось, что само отношение императора к французскому послу Коленкуру лишь подтверждало это общее настроение. Послу оказывали самые высокие почести. Единственного из всех иностранных посланников его часто приглашали на ужин к императору. Он занимал место в кругу императорской семьи во время театральных представлений в Эрмитаже, а почтительное с ним обращение императора служило примером для первых лиц империи, которые с усердием обхаживали посла.

14 мая император передал через обер-гофмаршала графа Толстого, что хотел бы ознакомиться с порученной мне работой, и велел явиться к нему для доклада на следующий день к ужину. Так 15 мая, после того как мы встали из-за стола, император пригласил меня в свой кабинет, чтобы выслушать чтение записки, содержание которой я привожу ниже.

Глава III

Памятная записка, представленная Его Величеству императору всея Руси в мае 1811 года в г. Санкт-Петербурге

«Были ли у императора Наполеона намерения возродить свободную и независимую Польшу и превратить ее в заслон против России?... Всякий, кто без пристрастия и предвзятости наблюдал за характером этого правителя через его политические и военные деяния, может с легкостью ответить на этот вопрос.

Чтобы возродить государственную независимость, Наполеон должен был бы обладать либеральными взглядами и такими качествами, как воздержанность, бескорыстие и великодушие, никак не совместимыми с жадностью завоевателя, потребностью ослабить, разделить и уничтожить государства Европы, пренебрежением к благополучию и внутреннему спокойствию народов.

Для создания постоянного заслона против России нужно было бы, чтобы его беспокойный характер, равно как живое воображение, постоянно рисуящее картины новых завоеваний, в конце концов успокоились, и тот, кто не привык ограничивать свои амбиции, прекратил захватнические войны.

Можно ли было предположить, что этот баловень судьбы, считавший себя посланцем Бога, призванным решать мировые проблемы, этот предприимчивый деятель, который разрушил столько монахий и подорвал основы все еще существующих, кто возвышал отдельных людей лишь для того, чтобы укрепить собственное величие, кто не оставил ничего нетронутым и менял свои решения и планы с такой же легкостью, как и создавал их, кто никогда не занимался благополучием людей, разве что тех, кто мог предложить свою поддержку в осуществлении его замыслов, можно ли было предположить – снова спрашивал я себя, что этот невообразимый человек, равнодушный к бедствиям потрясенной им Европы, вдруг сможет проникнуться сочувствием к печальному положению поляков и пожелает возродить их отечество путем создания свободного и независимого государства.

Наполеон не поддался на проявленный по отношению к нему общий восторг среди жителей герцогства Варшавского. Он знал, что, за исключением военных и должностных лиц, его здесь не любят, в особенности, составлявшие основную массу населения и терпевшие всяческие притеснения мелкие землевладельцы и крестьяне. Он также знал, что дворяне на его стороне лишь потому, что надеются на возрождение своей страны, и, если не питать их надеждами, он потеряет у них любовь и доверие. Также, надо полагать, зная эту истину, Наполеон постоянно обнадеживал поляков, что восстановит Польшу и тешит их этой мыслью вплоть до сегодняшнего дня, тщательно оберегая их от любых других влияний на этот счет.

Во все времена французское правительство всячески стремилось влиять на дела Польши и иметь здесь своих сторонников. Не уходя вглубь истории, достаточно вспомнить роль, которую оно сыграло в выборах Станислава Лещинского, в официальной поддержке и финансировании барских конфедератов, в тайных интригах против России. Последняя держава имела явное преимущество в политических делах Европы, поэтому в интересах Франции было организовать здесь смуту и направить усилия России на устранение беспорядков внутри Польши. Было бы неправильно, однако, полагать, что революционное правительство Франции подтолкнуло Костюшко и его сторонников к восстанию 1794 года. И хотя польские патриоты отстаивали правдивость такого суждения, чтобы увеличить число своих сторонников и внушить им больше доверия и уверенности в успехе, однако на основании всего того, что мне было известно в то время, а затем стало известно в Константинополе и Париже, я могу поручиться, что ино-

странное влияние не имело никакого отношения к восстанию 1794 года, вызванному лишь патриотическим подъемом и отчаянием масс. Я не говорю здесь о влиянии французских якобинцев на польских, потому что это не имеет ничего общего с восстанием, единственной целью которого было избавление от иностранного засилья и обеспечение независимости Польши, но я хотел бы лишь засвидетельствовать то, что мне было точно известно: французское правительство не могло и не хотело помогать и поддерживать действия Костюшко.

Однако с тех пор многое изменилось. После окончания восстания польских эмигрантов как братьев и друзей приютили как в самой Франции, так и в странах-союзниках. Все посланники Франции, где бы они ни находились, открыто покровительствовали им, позволяли носить национальную кокарду и относились к полякам как к своим гражданам. Товарищество польских патриотов, обосновавшееся в Венеции и поддерживавшее переписку поначалу с Комитетом общественного спасения, а затем с Директорией, было официально аккредитовано при Директории. Это по распоряжению французского правительства в Константинополь был направлен польский агент, и французский посол получил приказ согласовывать с ним все действия относительно Польши. Это с его участием в Италии были сформированы польские легионы, а когда на политической сцене появился Бонапарт, стоял даже вопрос о восстановлении законодательного сейма Польши в Милане.

Бонапарт не любил поляков, потому что уже в ту пору не выносил тех, в ком жил национальный характер и патриотический дух, но вместе с тем, он отдавал должное мужеству поляков. Он покровительствовал польским легионам и формировал новые из поляков, взятых в плен в сражениях с австрийцами. Во Франции только и говорили, что о восстановлении Польши, и поляки были вне себя от радости... Этого было достаточно, чтобы Бонапарт дал им почувствовать, что они не должны надеяться на большее, чем то, что он пожелает дать им.

Одним своим роковым решением он отправил часть легионов на остров Санто-Доминго, другим – остальных в Италию, чтобы сформировать почетный караул короля Этрурии. Именно тогда более трехсот польских офицеров подали в отставку. Ничто не могло остановить их: ни угрозы, ни преследования, ни награды. Они заявили, что служили ради надежды вернуться на родину, но будучи обманутыми в своих ожиданиях, сознают, что ничто более не может удерживать их на французской службе.

Такое выступление удивило Бонапарта, однако свое решение он не отменил... Не потребовалось много времени, чтобы он понял, что исполнение всех его планов без поляков невозможно: без них он не мог бы напасть ни на Австрию, ни на Пруссию, ни на Россию. И тогда он снова стал питать их надеждами, используя для этого эмиссаров. Он распорядился отделить всех польских военнопленных, оказавшихся в его руках по воле военного времени, чтобы доукомплектовать итальянские и сформировать рейнские легионы. Он проводил тайную работу в разделенных тремя державами провинциях Польши, а его непрерывные победы увеличивали с каждым днем число новообращенных сторонников.

Еще до битвы при Аустерлице в Варшаву был заслан тайный агент, чтобы подготовить жителей к задуманным Наполеоном переменам. Но открыто о восстановлении Польши он заявил только во время военной кампании против Пруссии и России. Не сумев склонить на свою сторону Костюшко и уговорить его подписать прокламации к польскому народу, Наполеон не преминул воспользоваться услугами Домбровского и Выбицкого, чтобы убедить всех в своих намерениях восстановить Польшу. Он самолично и громогласно объявил об этом в Берлине, Познани и Варшаве, что могут подтвердить тысячи свидетелей. Но когда во время приема депутации от Галиции он выясняет, что Литва не разделяет воодушевления других провинций бывшей Польши, то засылает туда одного за другим эмиссаров для сеяния смуты и недовольства среди населения, сбора информации о настроении масс, а также для внушения идеи, что его цель – расширить границы Польши до Волги.

Вместе с тем он сам оказался в положении, которое было немыслимо в пору до подписания Тильзитского мира: Наполеон столкнулся с непривычным для себя сопротивлением русской армии.

Мужество противостоящего противника, суровый климат, длительное отсутствие в Париже, опасения, что в войну может вступить Австрия, тревожные вести о готовящейся революции в Испании – все толкало его к заключению мира. И чтобы ускорить его подписание и внушить доверие российскому императору, он прибегает к самым разным приемам. Однако, устраивая празднества в Тильзите и продолжая переговоры, он уже строит в своей голове далеко идущие планы, выполнение которых должно было расширить, упрочить и обеспечить безопасность его владычества.

Именно в эту пору он замышляет вывезти главу католической церкви из Рима, принуждая того к содействию в исполнении его планов: лишить престола короля Испании, окончательно решить судьбу Германии и, наконец, организовать находившуюся в его распоряжении часть Польши таким образом, чтобы даже под своим скромным названием герцогства Варшавского она могла служить полякам гарантом будущего возрождения их отечества.

Этот последний план, осуществленный почти так же быстро, как он был задуман, имел грандиозный успех. И действительно, кто из жителей герцогства Варшавского мог оставаться равнодушным к столь радужным перспективам, видя, как этот небольшой по своей территории край обзавелся такой же администрацией, как и призванное играть важную роль государство, содержит пятидесятитысячную армию, имеет сенат, законодательный корпус, Государственный совет, министров для управления различными сферами деятельности и французского резидента? Разве могли они не воодушевиться, зная отношение Наполеона к полякам вообще и его особое доверие к некоторым из них, великодушие и уважение к тем военным, кого он зачислил в свою гвардию, а также то, что он делал и обещал сделать, подпитывая их новыми надеждами?

Правда и то, что после последней военной кампании против Австрии, министр внутренних дел Монталиве в своем публичном выступлении прямо заявил, что Наполеон никогда и не думал восстанавливать Польшу. Но разве тут же в Варшаву (и я могу подтвердить это как очевидец) не был отправлен курьер, чтобы успокоить жителей еще до того, как эта новость дойдет сюда, и уверить их, что единственной целью заявления было стремление успокоить Россию по поводу намерений Наполеона относительно Польши? Известно также, что в публикации «Варшавской газеты» упомянутая мною фраза была удалена, а маршал Дюрок, равно как другие доверенные люди Наполеона, позаботились о том, чтобы находившиеся в Париже поляки поверили в то, что речь шла всего лишь о любезности, оказанной российскому послу.

Впрочем, о реальности намерений должны свидетельствовать факты. Никто не станет отрицать, что в выступлениях в сейме, в газетных статьях, армейских прокламациях – везде и постоянно повторяются слова благодарности Наполеону как возродителю Польши, который делает все для того, чтобы осчастливить польский народ. В распространяемых в Европе печатных изданиях излагаются обширные планы Наполеона относительно Польши. Причем делается это с вольностью и уверенностью, позволительной лишь с разрешения или молчаливого согласия правительства Франции. И, наконец, не возвращаясь к изложенным мною последствиям перемен, которые должны были произойти в результате образования герцогства Варшавского, добавлю только, что недавнее увеличение польской армии до шестидесяти тысяч человек, создание национальной гвардии, новая реквизиция лошадей для нужд артиллерии, поставки двухсот пушек и сорока тысяч ружей, объявленный Наполеоном заем у населения в двенадцать миллионов наличными еще больше подогревает патриотические настроения и надежды поляков.

Как я писал в начале этой записки, верно то, что они избавились бы от своих предубеждений в пользу Наполеона, если бы были уверены, что он видит в них лишь оружие для воз-

действия на Россию. Казалось бы, что души убитых и принесенных в жертву в Италии, Санто-Доминго и Испании их собратьев должны были бы постоянно напоминать им о печальных последствиях чрезмерного патриотизма и обманутого ложными обещаниями доверия... Но такова сила авторитета и таковы ловкие, хитрые и одновременно решительные средства Наполеона, которыми он умело пользуется для воздействия на разумы поляков, чтобы они глубоко верили в него, не сомневались в восстановлении Польши, были убеждены в том, что она нужна ему для заслона от России. Это убеждение настолько воодушевляет их, что, несмотря на мучительные налоги и способы их изъятия, рекрутские наборы и разные нововведения, они терпеливо сносят власть, которая хотя и душит их, но обещает вернуть родину.

Заблуждаются те, кто думает, что армия герцогства Варшавского не предана Наполеону, и что при нынешнем положении вещей найдется способ склонить ее на свою сторону. Ошибаются также те, кто считает, что царящее в герцогстве Варшавском недовольство, вызванное общей бедностью и притеснениями со стороны правительства, может ослабить патриотизм населения, вынудит его отказаться от своей мечты. Пока Наполеон, с одной стороны, подогревая патриотические чувства поляков, будет давать им ложные обещания, а с другой стороны будет проявлено бездействие и безразличие, воодушевление и надежды поляков будут зависеть от впечатлений, которые эти две противоборствующие стороны смогут произвести на них. Я полагаю, что шестидесятитысячная армия не в состоянии противостоять двухсоттысячной армии россиян⁸⁷. Однако не уничтожение этой армии и не захват герцогства могут обеспечить Вашему императорскому величеству подчинение, привязанность и верность польского народа. Здесь необходимо применить предварительные меры, и я беру на себя смелость указать на них.

Можно легко присоединить провинции к мощной империи, но потребуются долгие годы, чтобы привязать к себе жителей завоеванной страны, приучить их к переменам, заставить забыть свое прежнее существование и, что не естественно, смешать и, так сказать, сплавить, два разных народа, чтобы получилась единая нация. Напрасно император Наполеон включил своими указами в состав французской империи Тосканию, Голландию, Вале и северную Германию, поскольку итальянцы, голландцы, швейцарцы и немцы никогда не станут французами. Тем не менее он знает, как извлечь из этого максимальную пользу, оставаясь разборчивым в использовании средств для сближения народов, чьи языки, нравы, законы и обычаи диаметрально противоположны. Стоит ему создать или присоединить к французской империи какую-нибудь провинцию, как он тут же справляется об общественном мнении, доходах и потребностях нового края, настроениях среди населения, выявляет преданных ему людей, тех, кого следует поощрить, и тех, кто беспокоен и опасен, а также что необходимо предпринять, чтобы помешать неблагонадежным людям наносить вред.

Каждая новая провинция имеет своих представителей в законодательном органе, сенаторов, членов в суде. Большинство чиновников в местной администрации представлено национальными кадрами. Здесь обласкивают богачей и магнатов, приглашая их ко двору, заигрывают с честолюбцами, награждая их званиями и орденами, малоимущим и лишенным талантов предоставляют хорошо оплачиваемые должности, покровительствуют ученым и художникам. Так, Наполеон, несмотря на столь нелюбимые повсюду налоги, контрибуции и рекрутские наборы, находит свою линию поведения и сохраняет в новых владениях преданных себе людей, лично заинтересованных в поддержании порядка и внутренней безопасности.

Я отвлекся от темы, поскольку считал необходимым указать на методы, которые повсюду применяет Наполеон, дабы приобретать себе приверженцев, подкупать людей, склонять их на

⁸⁷ За несколько дней до этого император сказал мне, что шестидесятитысячная армия герцогства Варшавского не может омрачить ему жизнь, поскольку не сумеет противостоять выдвинутой против нее двухсоттысячной российской армии.

свою сторону и подчинять своим законам. Благодаря этому он преуспевает, и для него не существует ничего невыполнимого.

Давайте посмотрим, возможно ли при настоящем политическом положении опередить Наполеона в его планах по восстановлению Польши, которая служит ему лишь поводом для нападения на Россию, и что в действительности мешает нам заняться этим и решить участь поляков, связать их с Вашим императорским величеством более глубокими чувствами по сравнению с теми, что им внушает французский император.

Если бы прямо сейчас стоял вопрос о наступательной или оборонительной войне с Францией, было бы поздно указывать на меры, необходимые для устройства восьми губерний России, которые раньше были частью Польши, чтобы превратить их в мощный оплот против враждебных и коварных планов Наполеона. Тогда судьба поляков решалась бы победой с оружием в руках.

Если же война неизбежна, то, как мне представляется, Вашему императорскому величеству благоугодно было бы начать с того, чтобы объявить себя королем Польши, учитывая, что это будет самый надежный и естественный способ склонить на свою сторону жителей герцогства Варшавского. Затем Ваше Величество определяют, как должно управляться новое королевство и в каких границах оно будет оформлено. И в таком случае, смею предположить, вряд ли возможно сделать для поляков что-то более полезное, не задевая при этом интересов империи. Но сегодня, я думаю, есть еще время, чтобы воспользоваться обстоятельствами, и, полагаю, смогу доказать это, что раз Наполеон обрабатывает польский народ при помощи правдоподобных обещаний без твердого намерения выполнять их, подвергает варшавян самым разным трудностям, о которых я упоминал выше, было бы целесообразно, Государь, найти способы для сближения с жителями этой российской части Польши и дать им почувствовать разницу между доброжелательным и жестким правлением. Я хотел бы также подчеркнуть, что для достижения этой цели имеются достаточно простые средства, которые не противоречат отеческим намерениям Вашего императорского величества и интересам России.

Часть Польши, включенная в состав Российской империи, представляла собой Литву вплоть до подписания унии между Великим княжеством Литовским и Королевством Польским. Ее жители были хорошими воинами, ревностно оберегали свои права и вольности, отличались верностью своим князьям, предприимчивостью, храбростью и любовью к Родине. Гордись своим происхождением, литвины, несмотря на присоединение своей страны к Польше, сохранили обычаи, гражданский кодекс и судебную власть. Вплоть до последнего раздела Польши заседания сейма проходили поочередно в Варшаве и Гродно. У Литвы, как и у Польши, была своя армия, высшие суды, система церковного управления, министры и чиновники. Литва так дорожила своими преимущественными правами, что никакие усилия и уговоры государственных деятелей, понимавших весь вред такого положения вещей, не могли заставить литвинов отказаться от них.

Убежден, что если бы при присоединении к России новых польских земель из них была сформирована провинция под старым названием «Великое княжество Литовское» и с прежними правами, которая по форме административного управления представляла бы собой автономное государство в составе Российской империи, то вряд ли бы сюда могло глубоко проникнуть иноземное влияние.

Что до остального, то, несмотря на естественное нежелание менять свою независимость на обязательство подчинения, различные злоупотребления в администрации Литвы и, наконец, общую бедность этой страны, литвины, став подданными российской короны всегда сохраняли ей верность и, будучи преисполненными доверия к чувствам Вашего императорского величества, благотворное влияние которых они испытали на себе при различных обстоятельствах, смеют надеяться на Вашу справедливость и великодушие.

Пришло, Государь, время испытать их привязанность и развеять впечатление от возникшей у них надежды на восстановление Польши с помощью Наполеона. Пришло время показать заинтересованность Вашего Величества в судьбе этого народа, Вашу благодарность за их преданность, используя для этого имеющиеся в Вашем, Государь, распоряжении меры, которые навсегда привязали бы к Вашему Величеству около восьми миллионов жителей, превратив их в заслон для России с наименее защищенной стороны, и одновременно склонили бы к себе сердца поляков герцогства Варшавского.

Организовав эти восемь губерний с учетом особенностей края и характера жителей и остановив злоупотребления, которые проникли во внутреннее управление этой провинции, Ваше императорское величество приобретет признательность жителей и получит на западной границе империи опору более надежную, чем все крепости и армии, что там находятся.

Если я заслужил счастье, что эта записка будет прочитана и одобрена Вашим императорским величеством, если я заслужил счастье предстать перед Вашим Величеством для изложения подробной информации об устройстве Литвы, я, разумеется, позабочусь о том, чтобы придать этой записке необходимое развитие. Сегодня я ограничусь лишь коротким описанием привилегий, которые можно предоставить литвинам, и как на это могут откликнуться жители Литвы и герцогства Варшавского, и, наконец, какие выгоды извлекло бы из всего этого российское правительство.

1. Нет такого человека, который бы ревностно не относился к названию своей родины. Это естественное чувство не требует никаких объяснений. Поэтому мы легко можем предположить, что литвинам было бы радостно носить имя своего края и пользоваться теми же правами, какие в России даны калмыкам, казакам, финнам и другим народам.

2. Если управление Литвой будет доверено и сосредоточено в руках одного правителя, назначаемого Вашим императорским величеством, и с титулом, который Вы, Государь, изволите нужным ему присвоить, то это непременно упростит и ускорит весь ход дел, сделает их более удобными и менее обременительными для населения.

3. Правитель, как я думаю, должен иметь свой двор и представительство, что придаст значение провинции, принесет заметную пользу городу, в котором разместится правительство, оживит связи между жителями и восстановит, насколько это позволяют обстоятельства, обращение наличных денег.

4. Статут Великого княжества Литовского всегда рассматривался дворянством как самый совершенный кодекс законов, регламентирующих вопросы гражданского и уголовного права. Поэтому предоставляя Литве свободу отправлять правосудие согласно этому кодексу с некоторыми необходимыми изменениями, Ваше императорское величество принесут ее жителям огромное удовлетворение, сделав для литвинов не более того, что было сделано для жителей Финляндии, сохранившей свои законы и процедуры отправления правосудия.

5. Если литвинам будет предоставлено право, о котором я упомянул выше, им можно было бы позволить иметь сенат или безапелляционный суд, что сократило бы число истцов в Санкт-Петербурге, разгрузило работу столичного сената, а также избавило бы участвующих в деле лиц от поездок, неудобств и неизбежных расходов.

6. И, наконец, что касается налогов и сборов, то литвинов необходимо поставить в одинаковые с другими губерниями условия.

На первый взгляд может показаться, что предлагаемые мною привилегии для литвинов столь незначительны, что не могут стоять рядом с соблазнительными выгодами восстановления Польши, на которые польстились жители герцогства Варшавского, однако следующее сравнение поможет ответить и на этот вопрос.

Одним росчерком пера литвины получают возможность вернуть себе имя и государственность, в то время как варшавяне лишь надеются на это, понимая, что за это придется заплатить своей кровью. Литвины, превратившись в часть большего целого, гордятся тем, что стали под-

данными императора Александра, к которому они питают искреннюю привязанность и благодарность за реальные благодеяния и за русскую армию в четыреста тысяч человек, готовую защитить их от любой агрессии. В то же время варшавяне – подданные короля, подчиняющиеся приказам Наполеона, находящиеся под гражданским управлением короля Саксонии и под военным протекторатом императора Франции, неуверенные в своей участи, твердо убеждены, что война неминуемо развернется на их территории и им предстоит стать авангардом многочисленной и многонациональной армии, которая выдвинется сюда не для того чтобы защитить их страну, расширить ее границы и восстановить Польшу, а лишь для того, чтобы следовать туда, куда того требуют интересы Наполеона и его гигантские планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.